

М. Б. СТЕПАНОВА

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Вопрос о персонажах, заимствованных из чужих произведений и осмысленных соответственно новому времени, составляет частную, но весьма значительную область изучения наследия М. Е. Салтыкова-Щедрина, позволяющую выявить некоторые важные особенности его как художника и мыслителя и имеющую прямое отношение к разработке теории художественного образа.

Продлевая жизнь литературных героев, Щедрин сумел обнажить их глубинный нравственно-эстетический потенциал, обозначить горизонт их общечеловеческой значимости, а следовательно, стал «соавтором» Фонвизина, Грибоедова, Гоголя и т. д., ибо в художественной реальности Молчалин — персонаж уже не только грибоедовский, но и щедринский. Определение меры и принципов этого «соавторства» дает богатейший материал для теории сатиры, расширяя представления об особенностях сатирической типизации.

История изучения щедринских заимствований, по существу, исчерпывается несколькими специальными статьями, хотя вопрос о переосмыслении сатириком известных литературных образов так или иначе попадает в поле зрения исследователей, занимающихся общими вопросами творчества Щедрина. Как отмечалось, пока не удалось выработать даже устойчивой терминологии [2, с. 89]. И это, на наш взгляд, находится в прямой связи с теоретической неразработанностью проблемы, с отсутствием четкого представления об особом эстетическом феномене «дважды употребленного» образа. Щедринские литературные заимствования принято рассматривать соприродно с первообразами из произведений-«доноров» и с художественными образами самого сатирика, хотя при этом постоянно возникает необходимость оговаривать особые способы ввода Салтыковым заимствований в ткань своих произведений [3, с. 54].

До сих пор дискуссионным остается вопрос о принципах классификации щедринских заимствований, а между тем именно классификация могла бы наглядно выявить то новое, что Салтыков внес в разработку персонажей русской литературы.

А. С. Бушмин, например, предлагает схему деления на три группы — по способам сатирической типизации. Первую группу составляют «оживленные» герои, осмысленные в полном соответствии с их первоначальным значением; к ней относятся только гоголевские герои. Во вторую группу входят образы, заимствование которых предполагает их «обновление», раскрытие их внутренних «готовностей», не выходящее, однако, за пределы, обозначенные смыслом этих образов в материнских произведениях; эту группу составляют персонажи Фонвизина и Грибоедова. Наконец, к третьей группе Бушмин относит полемические интерпретации литературных типов, переосмысленные Щедриным образы «лишних людей» [4, с. 402].

По-видимому, подобная схема, где в одной из трех групп оказываются Скотинин и Молчалин, не совсем корректна, поскольку первый являет